

СМЕЮЩИЙСЯ ЧЕХОВ

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА им. Вс. МЕЙЕРХОЛЬДА

На первый взгляд выбор кажется странным: разве три маленькие вещицы могут характеризовать Чехова, да еще так полно, чтобы сия водевильная окрошка обязывающе называлась «Чеховский спектакль»? Не будем, однако, спешить с выводами. Автор «Чайки» любил маленькую форму драматургии. «Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр». — шутливо говорил он. В мелких ювелирных вещичках он оставался большим, проникновенным писателем. Чехов — автор «Медведя» — вовсе не стделен китайской стеной от Чехова, создавшего «Вишневый сад».

Театр Мейерхольда блестяще доказал эту истину. Он взялся за материал, который десятилетиями был отдан на разграбление неприглядной дореволюционной любительщины. Какой захолустный кружок не ставил «Юбилей» или «Предложения»! Но впервые в истории драматургии Чехова его водевили предстали не как мелочи, проходящие стороной в творчестве писателя, а стали яркой частицей его облика.

— Всю жизнь он боролся с пошлостью, — так Горький характеризовал творчество Чехова. Эта фраза является ключом к спектаклю. Писатель, видевший своим зорким и ясным взглядом плесень пошлости, зло и умно высмеивал ее в своих водевильях. Здесь нет ни одного ценного человека, ни одного светлого явления. Разве только чеховский смех. Смех над суетным и пустым председателем банка, над тупой мещанкой, лицемерной вдовой, над всей пошлой жизнью неповоротливых помещиков и пронырливых делег.

В. Э. Мейерхольд понял, что смех водевиля — особый. Смех над пошлостью, гнев, презрение и ненависть — по адресу пошляков. Вот что объединяет водевили, поставленные режиссером, а вовсе не натянутая и довольно искусственная характеристика всех персонажей, как неврастеников, к тому же легко подверженных обморокам. (Отсюда и название спектакля «Гридцать три обморока», почему-то отсутствующее на сей раз в афишах. Если это случайность, то ее следует назвать счастливой).

В чеховских водевилях режиссер полно и ясно проводит свои принципы работы над материалом. В сущности, он пользуется одним приемом — преувеличением. Мейерхольд доводит до логического предела то, что Чехов показал лишь намеком. Все персонажи выступают у него, как резко очерченные характеры. Чубуков («Предложение») получает у него револьвер, жена директора («Юбилей»), окруженная толпой поклонников, заставляет вспоминать городничиху из его же «Ревизора». Замечательные находки режиссера рождают не только веселый смех. Спектакль создает галерею отвратительных типов неприглядной дореволюционной действительности.

Можно, конечно, упрекнуть театр и в «обнажении приема», и в излишней резкости подачи материала, якобы несвойственной мягкой манере Чехова. Строгим ценителям следует, однако, помнить, что сам Чехов несказанно был изумлен, когда его, как он считал, веселая комедия «Вишневый сад» была превращена в лирическую драму...

Мейерхольд показал Чехова по-новому, свежо, интересно, ярко, с большой мыслью и глубиной. В его постановке водевили засверкали немеркнущим светом чеховской улыбки. «Юбилей», «Предложение», и, особенно, «Медведь» исполнены очень живо и ярко. Чеховский юмор с полной силой показан в «Медведе». Боголюбов — актер большой искренности и высокой простоты — блестяще играет помещика Смирнова — пустого, мелкого, опустившего гусара в отставке. Хорошо проводит роль вдовушки молодая и способная Шахова. В «Юбилее» и «Предложении» блистает Чистяков. Его бухгалтер — женоненавистник и нерешительный жених — подлинно водевильные фигуры, созданные с большим вкусом и продуманностью.

Театр сумел показать чеховские водевили. В его спектакле живет не юный Антоша Чехонте, который пописывал в «Будильнике», а большой, яркий, живой, воинственный Чехов, сверкающий талант которого одинаково бурлит и в «мелочах» и в крупных произведениях. **Вл. МОРСКОЙ.**